

ОЧЕНЬ СВОЙ...

Очень явственно вспоминается мне солнечный апрельский день в Москве десять лет тому назад... Весть о том, что в Космосе человек, я услышал на лекции литинститута, в доме Герцена на Тверском бульваре. Это была настоящая радость, радость не фальшивая, не поддельная, а самая искренняя и человеческая. Мы, студенты, подпрыгивали, как мальчишки, обнимались, хлопали друг дружку по спицам. То, что в Космосе человек, да еще наш, русский парень, вызывало такой сердечный восторг, какой в жизни бывает очень редко. И, наверно, не ошибусь, если скажу, что такой же восторг испытывала в этот час и вся Москва. Весь громадный город ликовал, это я хорошо помню.

Через несколько лет мне посчастливилось увидеть первого космонавта. Летом 1967 года группа советских и зарубежных писателей прилетела в гости к М. А. Шолохову. Самолет сел на грунтовой аэродром, около станции Вешенской, где собралось несколько десятков вешенцев и гостей, прилетевших сюда днем раньше. Среди них был и Юрий Алексеевич Гагарин. Он стоял среди встречающих, улыбался, махал, отвечая на

приветствия, и был весь какой-то очень свой, понятный и бесхитростный. Держался он совершенно просто, словно где-нибудь на гулянье, на деревенском лугу среди знакомых девчат и сверстников. Здороваясь, он шутливо заметил что-то по поводу моей бороды, но от суматохи и жары я не запомнил слов. Кажется, на следующий день М. А. Шолохов пригласил всех на уху, которая была организована на берегу Дона. По дороге мы остановились у описанной в романе знаменитой донской кручи. Было жарко, вокруг над степью источалось марево. Над Доном высоко в безоблачном небе лениво плавал какой-то хищник.

«Кречет,—сказал один из моих спутников».

«Нет, орел,—заметил другой».

—«Может, курица?»—задумчиво слышалось за моей спиной. Я оглянулся: Юрий Алексеевич в ослепительно белой безрукавке стоял на ветру. Он с любопытством и озорством разглядывал парящую птицу.

Всем как-то неудобно было называть его по имени—отчеству. Его все называли Юрой. В ожидании ухи, он, не долго думая, скинул рубашку и брюки, побежал к Дону купаться. Он прыгнул

в воду, нырнул на какую-то железяку. И чуть не до кости распорол себе пятку. Ему забинтовали ступню, и в одном ботинке, смешно подпрыгивая, он исчез со злополучного пляжа. Он забыл о своей пятке тотчас, поэтому и все мы тоже сразу забыли. За ухой он поднял тост за наши писательские удачи.

А на следующий день он уже улетел в другой конец страны. Комсомольск - на-Амуре праздновал свой юбилей, и Юрий Гагарин улетел на Дальний Восток, он не мог отказаться от этого приглашения.

Минувшей осенью я был в Звездном городке. Мы с друзьями долго стояли в кабинете Юрия Алексеевича Гагарина. На его рабочем столе оставлено все так, как было в то трагическое утро.

Все так, все так. Но где во мгле забвенной
Вдруг канула ты, нам не
подавай вестей?..

Об этом с горечью спрашивает поэт А. Т. Твардовский.

На столе я видел памятный листок, где Юрий Алексеевич записал, что было надо сделать в этот день. «Зайти к Вале»—жена лежала в то время в больнице. «К собачникам» — это дочка давно просила, чтобы папа купил щенка. В кабинете, в шкафу, висят его шинель и фуражка. Серый, уже поношенный офицерский шарф выглядывает так, словно его хозяин вот сейчас, в эту минуту войдет сюда и оденет. Фуражка еще хранит запах волос. Но

Ни полуслова, ни
рукопожатья,

Ни глаз его с бодовым
огоньком

Под сдвинутым чуть
набок козырьком...

Василий БЕЛОВ.

г. Вологда.

На снимке: Юрий Гагарин и Василий Белов.